
YANA BONDAR
ОСКОЛКИ КУПОЛА

Яна Бондар
Осколки купола. Часть 1.

https://litres.ru/74712664
SelfPub; 2026

Аннотация

Два мира, разделенные стеной и пропастью в правах. Технологии, свет и достаток — для тех, кто наверху. Выживание, трущобы и голод — для тех, кто внизу. И все они заперты под единым куполом.

Элизабет всю жизнь принадлежала к привилегированной элите, пока собственная семья не приговорила её к смерти. Безжалостный механизм Совета Управления сбрасывает её на самое дно — в смертоносную мясорубку закрытого испытания.

Теперь ей предстоит узнать, какая правда скрывается за глянцевым фасадом, и на что способен человек, которому больше нечего терять. Когда рухнут последние иллюзии, Элизабет сделает выбор, способный уничтожить всю систему.

Первая часть дилогии. Вторая книга уже в процессе написания.

Содержание

Пролог. 4
Глава 1. 6
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Яна Бондар
Осколки купола. Часть 1.

Пролог.

Сто сорок восемь лет назад небо над Землей раскололось пополам.

Ядерный апокалипсис, разразившийся в безумной вспышке амбиций старого мира, стер с лица земли города, континенты и саму историю. Спастись удалось лишь немногим. Люди из разных социальных слоев - перепуганные ученые, политики, инженеры и простые рабочие - успели укрыться в глубоком подземном бункере. И там им удалось пережить долгие годы ядерной зимы.

Когда спустя десятилетия тяжелые люки наконец отворились, надежда рухнула быстрее, чем рассеялась радиоактивная пыль.

Земля была мертва. Воздух фонил, экосистема оказалась уничтожена, а почва превратилась в отравленную пустыню. Планета оставалась непригодной для жизни. Выжившие поняли: если они не хотят сгнить в железобетонных могильниках, им придется бросить вызов самой смерти.

Тогда лучшие умы выжившего человечества - инженеры, генетики и технологические магнаты - объединили усилия,

чтобы сотворить невозможное. Кровью и потом они возвели гигантский защитный энергетический купол, не пропускающий радиацию. Он должен был стать ковчегом, щитом от смертоносной радиации и последним бастионом цивилизации.

Но идеальные ковчеги не строятся на справедливости и равенстве.

Шли десятки лет, и человеческая природа брала свое. Спасительный Купол разделился на два неравных мира. Те, у кого изначально были власть и технологии, обосновались в Верхнем Куполе - в стабильности, сытости и процветании. А всех неугодных - включая бунтарей, изгоев и тех, кто оказался «лишним» в расчетах нового управления, - оставили выживать в Нижнем Куполе.

Глава 1.

В нас должен быть опыт всего человечества.
Жаль, что вместе с ним мы получили и его безумие.
12 августа 148 год Новой Эры.

Верхний Купол пах так, как пахнет стерильное хирургическое отделение сразу после генеральной уборки - озоном, дорогим увлажнителем и абсолютной, звенящей тишиной. Здесь никогда не пахло землей, пылью, сыростью или человеческим потом. Все ароматы были синтезированы и запущены в системы вентиляции по всей части мегаполиса в соответствии со строгим регламентом Совета Управления.

Я стояла у панорамного окна своей спальни, прижавшись лбом к прохладному стеклу. За трехслойным бронированным стеклом толщиной в полметра простирался наш безупречный мир. Мир, в котором не существовало случайных людей, запыленных углов и несанкционированных звуков. Всё здесь подчинялось строгим этическим и архитектурным канонам: симметричные фасады зданий из матового белого композита, идеально ровные линии прогулочных аллей, многоуровневые транспортные развязки по которым ездил личный и общественный транспорт, и люди - всегда безупречно одетые, с дежурными, выверенными по миллиметру улыбками на лицах.

Утро в Верхнем Куполе начиналось абсолютно одинаково. Голографический ассистент, встроенный в интерьер комнаты, мягким, бархатным баритоном зачитывал прогноз стабильности сектора: «*Уровень безопасности - сто процентов. Индекс социального благополучия - максимальный*».Я знала наизусть каждую трещину, которой на самом деле не существовало, каждый блик искусственного солнца на зеркальной поверхности противоположного небоскреба. Мне исполнилось семнадцать лет, и всю свою сознательную жизнь я провела в этом мире, где искренность давно считалась дурным тоном, а любые проявления подлинных, неконтролируемых эмоций в обществе - опасным отклонением.

Особенно остро эта фальшь стала ощущаться после гибели матери. Прошло чуть больше полугода с той страшной ночи, когда Совет управления подавил попытку вооруженного переворота в нижних секторах.Официальная версия звучала сухо: «*Трагическая случайность в результате локального технологического сбоя и атаки диверсантов из неконтролируемой зоны*». Но я отчетливо помнила бледное, искаженное глухим ужасом лицо отца, вернувшегося тогда с заседания Совета Управления, и то, как отчаянно и тихо плакала в своей комнате моя пожилая гувернантка, прежде чем ее внезапно «перевели на другую работу» - так на бюрократическом языке Верхнего Купола называлось бесследное исчезновение неугодных людей.Мать погибла.Официально - защищая порядок. Неофициально - на ум приходили страш-

ные догадки, которые я отрицала всем нутром, но чувствовала, что за этой гладкой, лакированной ложью скрывается зияющая, черная пропасть.

С тех пор в огромном, гулком особняке мы остались вдвоем с отцом - полноправным членом Совета Управления, человеком, чье лицо за последние месяцы превратилось в маску из уставшей, тяжелой сосредоточенности. Он вечно пропадал на закрытых заседаниях, погруженный в работу, составлял графики распределения ресурсов и поддержания «неприкосновенности» нашего мира.

Я глубоко вздохнула, отпрянула от стекла и, накинув на плечи мягкий кардиган цвета слоновой кости, решительно вышла в длинный коридор. Полы здесь были выложены светлым полированным керамогранитом, отражающим мягкие светодиодные панели на потолке. Звук моих шагов отзывался эхом в пустом коридоре. Я направлялась в кабинет отца - святая святых, место, куда мне категорически, под страхом лишения привилегий, запрещалось заходить во время его отсутствия. Но сегодня внутри меня всё настойчивее зудело странное, тревожное предчувствие, заставляющее сердце биться быстрее. Минуло ровно шесть месяцев со дня смерти матери.

Тяжелая дверь кабинета бесшумно и плавно скользнула в стену, стоило моему силуэту приблизиться к сенсорному сканеру. Внутри царил тот же строгий порядок: массивный стол из темного полимерного дерева, имитирующего редкие

породы земного дуба, ряды включенных в спящем режиме голографических терминалов, встроенные панели управления и глубокие кожаные кресла. Воздух здесь пах дорогим табаком и старой бумагой - что считалось невероятной, почти неприличной роскошью в наше время.

Отец отсутствовал. Над его главным рабочим терминалом лениво мерцал незакрытый процесс фоновых задач. Я подошла ближе, чувствуя, как от волнения ладони становятся влажными. Мне не хотелось шпионить - по крайней мере, я пыталась убедить в этом себя. Мои пальцы, привыкшие к работе с этими экранами в академии, сами собой зависли над сенсорной панелью, вводя стандартный пароль на активацию меню, которым отец иногда разрешал пользоваться для написания рефератов.

Система моргнула. Привычный успокаивающий синий свет интерфейса мгновенно сменился на багровый оттенок, информирующий о доступе повышенной секретности.

На голографическом дисплее развернулись папки с огромным количеством файлов. Это были не скучные финансовые отчеты Совета и не графики распределения ресурсов, которые я видела ранее. Это оказались отчеты разведывательных групп, датированные этими месяцами. Открыла последний файл за вчерашний день.

Я впилась глазами в светящиеся строки, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

«*Внешняя зона изоляции: запериметровая территория в*

радиусе ста пятидесяти километров от Нижнего Купола, включая прилегающие промышленные сектора Старого мира. Уровень биологической активности: аномально высокий. Зафиксирована стабильная экосистема естественного типа. Почва пригодна для органического земледелия без химической нейтрализации. Следы автономной жизнедеятельности человека: обнаружены палаточные поселения, постоянные жилые модули, мастерские по кустарной переработке пластика и металла, разветвленная сеть стихийной торговли и культурного взаимодействия»

Ниже шли визуальные файлы высокого разрешения. Я затаила дыхание, дрожащими пальцами разворачивая изображения во весь экран. Там не было выжженной, радиоактивной, мертвой пустоши, о которой детям Верхнего и Нижнего Купола с самого раннего детства рассказывали на уроках истории, пугая их «токсичным внешним миром, где не может выжить ни одно живое существо».

На снимках четко, до мельчайших деталей виднелись живые люди. Мужчины, женщины, подростки и дети в потертой, но вполне функциональной и удобной одежде. Они двигались, работали, сидели у костров, смеялись, обменивались какими-то предметами на уличных рынках. Там кипела жизнь. Настоящая и дикая, но абсолютно реальная жизнь далеко за пределами наших стен.

В моей груди словно лопнула тугая, натянутая до предела струна. Все эти годы нам бессовестно, системно лгали.

Вся наша вылизанная до блеска жизнь, каждая приветливая улыбка соседей на улице, каждый фальшивый лозунг пропаганды о «единственном уцелевшем очаге человечества» были построены на чудовищной, абсолютной лжи. Зачем? Зачем Совет держал миллионы людей запертыми в голоде, мраке и трущобах Нижнего Купола, а нас самих заставлял верить в смертельную опасность внешнего мира?

Я судорожно сглотнула, чувствуя, как по щекам катятся горячие слезы жгучей ярости. Захотелось немедленно кричать об этом на весь мир, взломать главную трансляционную сеть, вывести этот отчет на экраны каждого жилого сектора, заставить каждого самодовольного обывателя Верхнего Купола увидеть горькую правду. И главное, показать Нижнему Куполу, что есть иная жизнь.

Я схватила свой персональный коммуникатор и дрожащими пальцами принялась набирать номер отца. Гудки шли медленно, мучительно долго, отсчитывая удары моего собственного сердца.

«*Я на совещании Совета управления*», - отразил экран ответ.

Я попыталась снова, увеличивая приоритет вызова, чтобы он понял, насколько это важно. Тот же результат. Он был занят.

В этот момент тяжелые створки дверей кабинета снова бесшумно и плавно разъехались в стороны.

В комнату вошел мой дядя Роберт, брат мамы. На нем был

безупречный, сшитый на заказ черный костюм-тройка с серебряными запонками с эмблемой Совета Управления. Его лицо, обычно мягкое и доброжелательное, сейчас напоминало ледяную маску, а в серых, лишенных всякого тепла глазах читалось не предвещающее ничего хорошего раздражение.

- Элизабет? - голос дяди прозвучал тихо, но от этого спокойного тона по моей спине побежали мурашки. - Что ты здесь делаешь? Тебе прекрасно известно, что тебе сюда нельзя, тем более одной.

Я резко развернулась к нему всем корпусом, судорожно втянув воздух. Экран за спиной все еще ярко транслировал запретные, разоблачающие кадры внешнего мира.

Молчи. Сделай вид, что ничего особенного не произошло, - лихорадочно пронеслось в голове.

Я уже почти заставила себя разжать побелевшие пальцы и опустить глаза, выстраивая спасительную линию защиты, но дядя сделал шаг вперед и повторил уже жестче, вглядываясь в мое лицо:

- Элизабет. Я задал тебе вопрос.

И в этот момент внутри меня что-то окончательно оборвалось. Напускной холод и попытки сыграть в послушную племянницу рассыпались в прах перед лицом чудовищной лжи, которую я только что увидела.

- Вы знали? - мой голос сорвался на звонкий от отчаяния и гнева крик. - Вы знали! Вы все прекрасно знали с самого начала! Там, за куполом, есть жизнь! Обычная, живая, на-

стоящая жизнь! Люди живут, растят детей, работают, пока мы здесь задыхаемся! Зачем вы держите Нижний Купол в нищете? Зачем вы врете всем нам?! Я видела отчет! Я хочу... я расскажу об этом всему городу! Нижний и Верхний Купол должны узнать правду! Вы не имеете права скрывать это!

Дядя не испугался, не удивился и даже не повысил голоса. Он медленно и размеренно подошел к массивному столу. Его шаг был тяжелым и уверенным, как поступь хищника, загнавшего жертву в угол. Взгляд его скользнул по сияющему экрану, а затем остановился на мне. Ни тени раскаяния. Ни капли страха разоблачения.

- Какая же ты еще малышка, Элизабет, - тихо произнес он, и в его ровном голосе не было ни грамма былого тепла. - Ты действительно думаешь, что голой правдой можно размахивать, как плакатом на праздничном параде?

- Где мой отец?! - истерически выкрикнула я, делая инстинктивный шаг назад, ближе к окну. - Позови его немедленно! Он должен узнать, какую мерзость вы здесь творите за закрытыми дверями!

- Твой отец занят гораздо более важными делами - он спасает хрупкую систему, которую ты так легко, по глупости и юношескому максимализму, готова разрушить одним нажатием клавиши, - холодно и безжалостно отрезал дядя.

Он сделал резкий, отточенный жест рукой, активируя протокол тревоги на своем запястье. Яркий свет от электронного браслета отразился в его глазах, лишенных и тени сомне-

ния или неуверенности.

- Элизабет, успокойся и подумай, - его голос неожиданно смягчился, приобретя убаюкивающие нотки. - Тебе действительно нужно это? Ты думаешь, мир за пределами стен ждет тебя с распростертыми объятиями? Когда люди узнают всю правду, начнется не просто паника. Начнется абсолютный, неуправляемый хаос. Система рухнет за считанные часы.

Я отшатнулась от терминала, чувствуя, как пальцы снова сами собой сжимаются в кулаки. Экран с файлами продолжал мерцать перед глазами, подтверждая то, во что мой мозг отказывался верить.

- Вы держите в неведении миллионы людей, дядя, - процедила я, чувствуя, как внутри закипает глухая, злая ярость. - Вы заставляете их верить, что за Куполом - выжженная пустошь и смерть. Но там есть земля, воздух и возможная нормальная жизнь! Зачем вы продолжаете это? У людей должен быть хотя бы выбор!

Роберт тяжело вздохнул, медленно шагнув ко мне. В его движении не было угрозы - была лишь удушающая, давящая уверенность взрослого, который смотрит на меня как на капризного ребенка.

- Неизвестно, есть ли там жизнь на самом деле, Элизабет, - произнес он тише, но веско. - То, что фиксировали разведывательные группы, лишь частично подтверждает то, что мы сможем там выжить. Ты действительно думаешь, что мы держали бы здесь, под куполом, несколько миллионов чело-

век, если бы у Совета была стопроцентная уверенность, что за его пределами можно жить? Мы не садисты, Элизабет. Мы - единственный барьер между человечеством и полным самоуничтожением.

Он сделал шаг ближе, глядя на меня с тяжелым, давящим участием: - Послушай меня. Тебе через несколько месяцев исполнится восемнадцать. Совершеннолетие, новый рубеж, твоя жизнь только начинается, она кардинально изменится. Я прекрасно понимаю тебя и то, что ты сейчас переживаешь. Смерть матери тебя еще не отпустила, ты уязвима, ты ищешь виноватых. Но подумай еще раз.

Дядя протянул руку, словно пытаясь коснуться моего плеча:

- Я не хочу запугивать тебя, я хочу защитить. Не принимай поспешных, фатальных решений. Еще не поздно всё оставить как есть и вернуться к привычной жизни. Элизабет... ты и твой отец дороги мне. Вы моя единственная семья.

Я посмотрела на его протянутую руку - на ту самую, которая наверняка с легкой уверенностью подписывала распоряжения Совета о сокрытии правды. И в этот момент меня прошиб ледяной пот. Я вдруг со страшной отчетливостью поняла, что ждет меня в день восемнадцатилетия. Никакая это не свобода. Это порог, за которым прежняя жизнь стирается без остатка, прохождение плановой «адаптации», после которой люди теряют что-то невидимое, но, казалось, самое главное. Все, кто переступал этот порог, возвращались дру-

гими людьми.

Внутри меня что-то окончательно надломилось, сжигая последние иллюзии.

- Ты защищаешь не меня, Роберт, - ответила я тихо, отступая на шаг назад и глядя на него в упор. - И ты переживаешь вовсе не из-за моей скорби. Ты боишься не того, что за Куполом смерть. Ты боишься того, что там - свобода, и вы больше не сможете жить за чужой счет. Что ты так боишься потерять? Статус? Власть?

Лицо дяди потеряло свою мягкость. Губы скривились в холодной усмешке.

- Твоя мать погибла именно потому, что страдала тем же неизлечимым недугом - задавала слишком много вопросов и проявляла опасную, разрушительную «эмпатию» к тем людям внизу, - чеканя каждое слово, произнес он. - К сожалению, этот дефектный ген передался и тебе. Но мы не можем позволть случиться утечке. Ты сделала выбор.

- О чем ты говоришь?! - я почувствовала, как ледяной, парализующий ужас мгновенно сковывает мне горло, не давая сделать полноценный вдох.

Я попыталась резко броситься к выходу из кабинета, но тяжелые створки дверей мгновенно заблокировались, издав глухой, зловещий щелчок мощных электромагнитных замков.

Дядя даже не сдвинулся с места, лишь наблюдая за моими метаниями с холодным превосходством. Из вентиляционной

панели прямо над моей головой бесшумно вырвалась тонкая, почти невидимая струя усыпляющего газа с резким, едким запахом горького миндаля.

Я успела сделать лишь один судорожный, панический вдох, как ноги мгновенно подкосились. Прохладный пол кабинета качнулся навстречу, а звуки вокруг растворились в давящей тишине. Сквозь пелену угасающего сознания я успела перехватить ответный взгляд дяди. На секунду в нем проскользнула острая, почти отчаянная тревога и глубокое сожаление. А затем он поднес коммуникатор к губам и отдал короткую команду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.